

ВЕХИ ИСТОРИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ: ПАМЯТИ МОЕЙ МАМЫ

А.Л. АЙЗЕНШТАДТ

Гомельский филиал Международного университета «МИТСО»

Забвение прошлого, манкуртизм – бич нашего общества, в катаклизмах последних ста лет в значительной степени утратившего представление о своих исторических корнях. Внимание к родителям, предкам, изучение своей родословной должно помочь восстановить истину, преодолеть трагическую пропасть между поколениями...

Великий Пушкин писал:

Два чувства дивно близки нам.
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле Бога Самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.

Понять основные вехи истории страны можно только через призму семейной хроники. Ведь подлинная история – это история конкретного человека с его радостями и горестями, повседневной жизнью, любовью и смертью. Из истории обычных простых людей складывается история страны, а любовь к Родине начинается с любви к родителям, к матери.

Хочу рассказать о моей маме. И хотя уже шесть лет ее нет рядом, мама всегда будет для меня самым дорогим человеком.

Моя мама, Лариса Александровна Фрацман, родилась 1 февраля 1924 г. в маленьком польском городке Слупца недалеко от Познани. Прошлым летом мы с женой и детьми побывали на маминой родине по пути из Варшавы во Вроцлав, и я не смог сдержать слез на уютной тихой площади Слупцы.

Мамин папа, мой дедушка, Александр Петрович Фрацман родился в селе Нижние Кугурешты Сорокского уезда Бессарабской губернии. Он был старшим из 10 детей в семье, где как минимум четыре поколения мужчин были православными священниками. По уверениям кишиневских генеалогов, фамилия Фрацман имеет молдавско-румынское происхождение («фрац» по-молдавски «друг»).

Дедушка в традициях семьи окончил Кишиневскую духовную семинарию, однако затем поступил на медицинский факультет Юрьевского (Гартусского) университета, стал врачом, был полковым лекарем в белой Северо-Западной армии Юденича в годы Гражданской войны (старший врач 12-го Темницкого гренадерского полка), награжден орденами св. Владимира и св. Анны.

Мамина мама, моя бабушка, Прасковья Семеновна Боровская родилась в Минске. Во время Первой мировой войны стала сестрой милосердия в действующей армии, потом в Северо-Западной армии белых. Здесь она и познакомилась со своим будущим мужем. Оба они были в начале 20-х гг. интернированы в польский концлагерь. По свидетельству международных правозащитных организаций положение интернированных в этих лагерях было катастрофическим: два ряда колючей проволоки, принудительные работы, отсутствие белья, острая нехватка одежды, обуви, скудное и нерегулярное питание, скверные условия проживания (бараки на 100 и более человек без отопления, электричества, с протекавшей крышей). В конце 1923 года бабушке и дедушке удалось вырваться из лагерей, они поселились в Слупце.

Жизнь постепенно налаживалась. В Слупце дедушка имел врачебную практику, бабушка вела домашнее хозяйство. В городке сложилась русская эмигрантская диаспора: ходили друг к другу в гости, крестили детей, отмечали Рождество, Пасху, другие религиозные праздники. Мама пошла в польскую гимназию (однако закон божий изучала у православного священника), учила иностранные языки, стала прекрасно играть на фортепиано. В 1930-е годы дедушка уехал к родственникам в Бессарабию и не вернулся. Через некоторое время связь с ним оборвалась. Дальнейшую судьбу деда мне пока проследить не удалось. Предполагаю, что он был репрессирован после присоединения Бессарабии к СССР. Письма отца мама долгое время хранила, но была вынуждена их уничтожить в 1940-е годы, когда связи с границей в нашей стране, мягко говоря, не поощрялись.

Бабушка стала коммивояжером, чтобы содержать дочку и себя. Началась война, пришли немцы. Маме и бабушке довелось жить в условиях оккупации. Все евреи Слупцы были согнаны в гетто и вскоре расстреляны. Многие молодые люди из маминой компании были связаны с подпольем и партизанами. Когда война закончилась, русская диаспора в Слупце распалась: кто-то отправился в Америку, кто-то в Австралию, кто-то остался в Польше, а мои дорогие женщины приняли решение вернуться на Родину, в «Россию».

Родина встретила их неласково. По данным общества «Мемориал» Фрацман Лариса Александровна в 1945–1949 гг. была интернирована в проверочно-фильтрационном лагере НКВД № 283 в г. Сталиногорск Московской области (ныне Новомосковск Тульской области). Я об этом ничего не знаю.

Знаю только, что в конце 40-х гг. мама и бабушка оказались в Гомеле, где жили наши родственники. Бабушка большую часть фамильных драгоценностей зашила в плечики шубы, а шубу в «России» украли. Остальные драгоценности были обменены на продукты. И очень обидно было позже видеть на гомельских женщинах свои кольца, сережки, браслеты.

Бабушка, которой было уже 50, так и не смогла устроиться на работу и до конца жизни не получала пенсии, находясь «на иждивении» у мамы. Конечно, она не сидела без дела, вела домашнее хозяйство, и, имея «заграничный» художественный вкус, стала модной портнихой. Вот только не могли взять в толк представительницы гомельского бомонда, почему у одних дам она брала заказы, а другим отказывала. А все объяснялось просто: бабушка не умела кроить и шила только по своей фигуре...

Мамино знание иностранных языков, равно как и искусство игры на фортепиано, в послевоенном Гомеле, оказалось, увы, не востребованным. Мама устроилась на электротехнический завод, начала работать нормировщиком в цеху. Здесь она и познакомилась с 30-летним технологом Лево́й Айзенштадтом, участником войны, выпускником ЛИИЖТа, который приехал в Гомель по распределению. Невысокий, активно лысеющий, он настойчиво ухаживал за красивой, стройной молодой женщиной. И добился успеха. Последним препятствием была бабушка, чье расположение завоевать было непросто. Но и эта крепость была взята. 31 июля 1954 г. родители расписались, отпросившись на несколько часов с работы, а через полтора года на свет появился и автор этого очерка.

Я с детства ощущал духовное родство с мамой. Мы оба – меланхолики и интроверты, часто задумывающиеся о смысле жизни и бренности человеческого бытия, предпочитающие хорошую книгу шумной компании (поймал себя на том, что говорю о маме в настоящем времени).

Мама не реализовала себя на работе, которая была нудной и утомительной и не доставляла ни хорошего заработка, ни морального удовлетворения (хотя рабочие ее уважали). Была ли моя мама успешной? В смысле карьеры – нет, в построении семьи и воспитании сына – надеюсь да. По крайней мере, я никогда от нее не слышал: «Я ради тебя... а ты...» Мама была самодостаточной и, по всей видимости, следовала Б. Спинозе: «Свобода – это осознанная необходимость». Была ли она счастлива? Иногда да, иногда – нет, как и все остальные люди, ведь постоянно счастливыми могут быть лишь, мягко говоря, очень ограниченные индивиды.

Мои родители прожили более 50 лет в любви и согласии, как это ни банально звучит. При этом они были очень разными (папа – сангвиник и экстраверт). Если папа был мотором семьи, то мама – ее сердцем и душой. Ни для кого не было секретом, что именно мама была главной в нашей семье, но она этого никогда не демонстрировала.

Родители жили очень скромно. Перед глазами стоит картина: поздний вечер, мама сидит в кресле и штопает носки, чулки, майки, садится за старинную швейную машинку «Зингер», чтобы поставить заплатку на брюки сына. Делала это она настолько виртуозно, что следы работы были совершенно незаметны. Мама была перфекционисткой и во всем стремилась к совершенству: квартиру убирала каждый день, белье кипятила и крахмалила, все расходы ежедневно записывала, каждая вещь лежала строго на своем месте, каждая баночка варенья закрывалась крышечкой из пергаментной бумаги, завязывалась особой тесемочкой и надписывалась. А мой лучший друг Володя Литвинов (заместитель директора областного краеведческого музея по научной работе) до сих пор с восхищением вспоминает семейные воскресные обеды, на которые он приглашался в школьные годы.

Все вещи нашей семьи помещались в небольшом шкафу, зато у нас было много книг. Мама любила классическую русскую литературу, особенно Чехова, поэзию, музыку Чайковского и Шопена, песни в исполнении Вертинского, Бернеса и Утесова, балет (особенно Уланову, Плисецкую, Васильева и Максимова), живопись импрессионистов, фильмы раннего Михалкова и... полевые цветы. А еще они с папой много путешествовали: побывали в Крыму и на Кавказе, в Закавказье, Прибалтике, Средней Азии, вот только до Байкала не добрались.

Может, это покажется нескромным, но для меня мама была образцом интеллигентности, хотя, она, дочь врача и внучка православного священника, окончив польскую гимназию и работая инженером, не имела высшего образования. Она никогда не повышала голос, никогда не говорила «я хочу», «мне надо», всегда имела свое мнение, но не навязывала его окружающим, уважительно относилась к людям иной национальности или веры, скептически относилась к власти. Самыми главными понятиями для нее были «совесть», «долг», «честь», «правда».

И еще: если правда, что внутренний мир человека отражается на его внешности, то мама была бы тому лучшим подтверждением: она и за 80 была удивительно красива.

Мама, как и бабушка, была верующим человеком, и в углу комнаты висела икона с лампадкой над ее кроватью. Эта икона XIX века Казанской Божьей матери сейчас хранится у нас дома. А как радостно наша семья (включая папу) праздновала Пасху! Пекли куличи, красили яйца, причем не только в луковой шелухе, но и с помощью кисточек и акварельных красок. На рассвете мама и бабушка ходили в церковь, а утром приезжала тетя Нина, приходили другие родственники, все садились за праздничный стол разговляться... Впрочем, на Песах мы с удовольствием ели мацу. Вот такой семейный экюменизм.

Со временем бабушка по болезни уже не могла ходить в церковь, и я на Пасху, Рождество и другие большие праздники ловил для нее трансляции службы по «Свободе», «Би-би-си» или «Голосу Америки», и она, со слезами на глазах, вслушивалась, пытаясь пробиться сквозь скрежетание глушилок, в голоса священников и пение церковного хора.

Родители всю жизнь несли крест ухода за родными и близкими. Долго болела и была последние годы парализована моя бабушка, у нас жила ослепшая папина тетя Белла, потом настал черед перенесшей инсульт маминной тети Нины.

Квартиры тети отошли государству, причем родители делали перед этим в обеих квартирах ремонт! Им и в голову не приходило попытаться оставить жилье в своей собственности. «Святые люди!», – говорили про маму и папу знакомые. Как бы ни было тяжело, мама никогда не жаловалась на жизнь, на судьбу. Она просто исполняла свой долг.

Мама много внимания уделяла моему воспитанию: обладая безукоризненным художественным вкусом, приучала к чтению, водила на выставки, концерты классической музыки, в театр. Но главное, она была для меня нравственным авторитетом, я и сейчас, собираясь что-либо сделать, думаю: «А что сказала бы мама»? Как она сумела сочетать строгость и ласку, требовательность и нежность, принципиальность и любовь? Увы, мне, как отцу, это не всегда удавалось.

Мои духовные связи с родителями, особенно мамой, всегда были очень прочными. Двенадцать лет я жил и работал в Мичуринске Тамбовской области, и каждые 5–7 дней, а то и чаще, писал письмо домой, рассказывая о радостях и горестях своей жизни, о прочитанном и увиденном. И вот на 50-летие я получил в подарок от родителей все свои 607 (!) писем, бережно сохраненные ими. Думается, что эти письма не только памятник эпохе, но и памятник нашей взаимной любви.

Не секрет, что мужчины выбирают жен, ориентируясь на образ своей матери. Я не был исключением и рад, что не ошибся, а родители были довольны выбором сына. И, конечно, мама стала прекрасной бабушкой, которую Даша и Федя обожали, всегда приходила на помощь нашей семье, оказывалась рядом в трудную минуту. Ну а потом мы старались во всем поддерживать родителей. Жаль только, поухаживать за мамой нам пришлось очень недолго...

Иногда мучительно думаю: «Что-то важное забыл сделать». Потом вспоминаю: «Забыл позвонить родителям!». И сразу же вспоминаю другое: мама и папа недоступны. Навсегда. Осталась только память. Память о маме все время со мной.